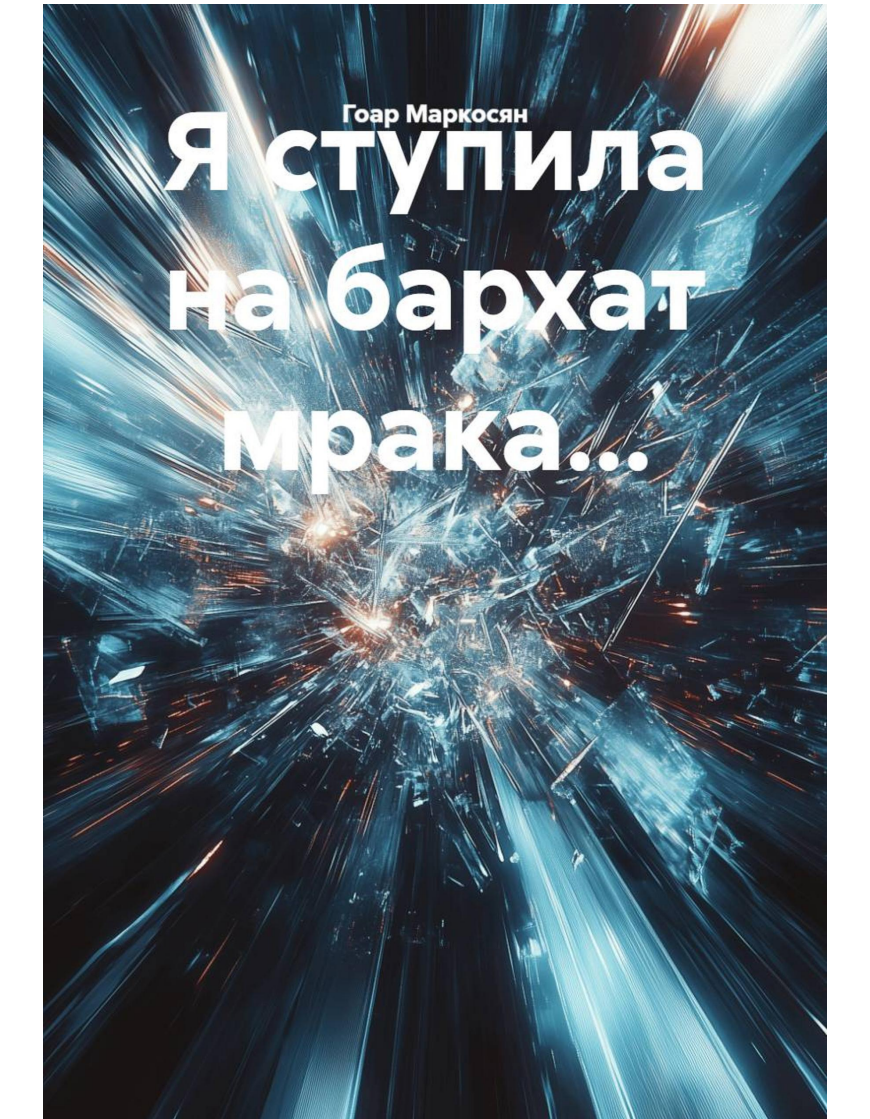

Гоар Маркосян

Я ступила на бархат мрака...

Гоар Маркосян

Я ступила на бархат мрака...

Серия «Поэзия», книга 6

<https://litres.ru/74226083>

SelfPub; 2026

Аннотация

ГОАР МАРКОСЯН (КАСПЕР) родилась и выросла в Ереване, в артистической семье: отец – оперный певец, мать – балерина. Окончила медицинский институт, несколько лет работала врачом, заведовала отделением рефлексотерапии, защитила кандидатскую диссертацию. Со школьных лет писала стихи, в 1990 году издала сборник «Недостроенный замок мой».

После смерти Гоар (она умерла 10-го сентября 2015 года в Барселоне) изданы две книги ее стихов: «Родилась я черной пантерой» (СПб, 2017) и «Последняя любовь» (Москва, Литрес, 2020), а также сборник стихов «Снег на траве» в переводе на эстонский (Таллин, изд. ЭКСА, 2021; перевод Калле Каспера).

Стихи Гоар хранятся в архиве Европейского университета в Санкт-Петербурге (Фонд Л-22, опись 2).

Напечатанные в этом сборнике стихи ранее не публиковались.

.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Гоар Маркосян

Я ступила на бархат мрака...

Глава

СТИХИ

СТРАННЫЙ ДЕНЬ

День, как день –
Ни зимний, ни весенний.
Тоской чуть забрызганный осенней.
День, как день –
Ни светлый и не темный.
Отчаяньем слегка посеребренный.
День, как день – ни радостный, ни грустный.

Безразлично снех похрустывал.
Шла куда-то.
Близко, на край света.

Шла куда-то.
Далеко, к соседу.

1968

ВМЕСТЕ

Год второй.
Последний год.
Апрель.

Ливень.
Грязные,
В потоках
Стекла.
В сердцевине полутемной
Комнаты
Из сдавленного горла вазы
Хриплым криком лезет посеревшая сирень.

Застрявшие в зубах тянучки фраз.
Паузы.
Повторы.
Вежливая скука.

Твои смугло-ласковые руки,

Твои губы,
Твердые и горькие —
Точно брошенные нищенке
Корки.

1968

ГАМЛЕТ

В.Высоцкому

На тебя наставлен сумрак ночи тысячью биноклей на
оси...

Ты играй его, каким захочешь - только лишь пощады не
проси.

В сером стоне занавеса-смерча закружился судеб хоро-
вод...

Неожиданно очнется вечность, этот круг рукой твоей про-
рвет.

Мир, в неведеньи бездумном спящий, счет годам ведет от
зла до зла.

К своею горечью кипящей, сам сгорев, ты сжег его дотла.
Да.

Последним словом истекая, к коченеющей припав стене,
умирал,
бессмертье обретая, самый сильный Гамлет на земле.

В некрасивости своей -
прекрасный, наконец, решимостью горя, самый жгучий,
самый гневный,
самый страстный -
Гамлет, запыхавший, как заря.
На тебя наставлен сумрак ночи...
День настанет, дайте только срок!..
Наконец, увидела воочию я увиденного, между строк.
Наконец, я постигаю сложность простоты.
Вот утро после сна...
О слова, слова, как вы ничтожны!..
Замолкаю.
Дальше - тишина.

1972

* * *

Вы видели любовь?..
А я встречала. Недавно, на заснеженной дороге.
Она брела устало и молчала.
Худая. Неулыбчивая. Строгая.
Истерзанные ноги были босы. Лохмотья ей чуть прикрывали тело. Свисали грязные седые косы.
И лишь глаза по-прежнему горели.
Вы слышали о ней?..

Мне доводилось. Она давно уже скитается. Года,
и просит подаяния уныло.

И ломоть хлеба получает иногда.

Стучится в двери, но ночует в поле. Приюта нет. Не из
того мы теста.

Ей в нашей пьесе не найдётся роли, и в нашей жизни для
неё нет места.

Вы помните её?..

Позабывали тот мир, что этой нищенкою порождён. Мы
из домов своих её изгнали, и из сердец её мы вышвырнули
вон.

Любовь старухой бродит по дорогам, дряхлеет там столет-
ье за столетьем. Когда-нибудь она протянет ноги, и вот то-
гда...

А, впрочем, мы и не заметим.

1972

* * *

Любимых теряя,
Себя уверяем,
Что их больше нет... но всё верим втайне,
Что живы. Что дышат,
Что видят и слышат
В какой-то далекой стране.

Непойманной птицей
Надежда ютится
Под крышею сердца:
В каком-то году
Им выпадет случай –
Визу получают.
Вернутся. Приедут. Придут.

Не зная, зайдем
В пустой теперь дом...
Вдруг в щелке дверной, затемненной –
Полосочкой свет.
И тот, кого нет,
Безмолвно откроет нам дверь.

Его взглядом смерим,
Не сразу поверив,
Что это случилось... что вот за столом
Собрались к обеду...
И, значит, все беды –
Всё там, в несвершённом былом.

... Любимых теряя,
Себя уверяем,
Что их больше нет... но всё верим втайне,

Что живы, что дышат,
Что видят и слышат
В какой-то далекой стране.

1972

ПОЛЕТ

Со скалы в небо хочется броситься –
Исккупаться в ночной высоте.
Сердце птицей над морем проносится...
Полететь бы!..
да крылья не те.

Со скалы в небо хочется броситься –
Исккупаться, нырнуть...
утонуть.
В незнакомое счастье просится
Альбатрос,
заточенный
в грудь.

В черно-синюю пропасть тянется
Душа в непонятной тоске.
Разбежится, рванется...
останется

на краю —
не свершившись в броске.

Застыдившись, в мечтаньях заблудится...

И весною не тронется лед.

Но мне кажется все же,

что сбудется

мой отчаянно-гордый

полет.

1973

ВЕРНОСТЬ

Просит любовь...что поделать?., этой мучительной дани.

Впившись зубами в пределы своих необъятных желаний,
задыхаясь от их непомерности, сокрушительной мощи ди-
чась, как поруку незыблемой верности, наложила на страсти
печать.

Разогнала себе же назло всех -

свой мир превратила в пустырь. И, морским завязавшись
узлом, затворилась в себя —
в монастырь.

И жду его рук, как ключа от ворот, тавром его издавна
мечена.

Жду, искривив засыхающий рот, сегодня, и завтра. И веч-

НО.

1973

* * *

Я на любовь

всей сущностью своей

обречена.

Тому порукой

каждый мой дрожащий вдох. За частоколом слов своих
заточена, затеряна в толпе своих стихов.

Я на любовь

обречена

всей сущностью своей.

Всей плотью,

кровью,

беспомощностью взгляда.

Обречена,

как обречён пловец, трепещущий

в объятьях

водопада.

1973

НЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

В микроскоп
на мой мир
не угодно ли взглянуть?
Толстые книги, сверхдлинные фразы,
кривых в осциллографе странная муть –
мрачное царство, где властвует разум,
тиран беспощаднейший...
Мысли на бочку!
Несчастливых лягушек безмолвные лапки,
диссертаций унылые строки,
ненужные цифры в затерянных папках
и бесконечные потенциалы....
Я сумасшедшая потенциальная,
потенциальная жертва науки.
Где мне зачтут аспирантские муки,
если в наличности нет того света?..
Брожу по колено в запутанных данных,
рассеянно график топчу долгожданный,
думаю:
полно!..
где же я?..
я ли это?..

Жизнь моя занята ратью экзаменов.
Даже соседки на цыпочках ходят.

Сижу, обложившись трудными самыми
из монографий.

Теперь это в моде.

Прячусь от мамы за горами книг,
в них все копаюсь с наигранной спешкой.
Но на науки нахмуренный лик
вдруг покошусь с затаенной насмешкой.

В омуте тихом, зная, водятся черти.

Я-то спокойная?

Я-то сухая?

Что мне ваш разум!..

Да я вся из сердца!..

Исподтишка истекаю стихами.

Стихами мараю конспектов страницы,
сую, как попало, их в заросли формул...

Вот под пером хорошеют их лица,
плечи и грудь обретают вмиг форму...

Правлю опять и опять на бегу
от старых стихов все к новым и новым,
остановиться никак не могу,
поспешно цепляю слово за слово...

А после на книгу валюсь я устало,
изнуренная стихотечением...

Лежу...

как письмо —
позабытое, старое,
не дошедшее по назначенью.

1973

* * *

Существую в ожиданьи жизни...

Время беспощадно.

Еще не встретишься - уже прощаться надо.

Давно ли восемнадцать миновало⁹ А я уже в вчерашнем
дне запуталась, уже в воспоминанья зябко куталась, переби-
рая в памяти традиционные слова о жизни, о пороге, о вступ-
лении...

Шесть лет прошло в каком-то исступлении, а жить пока
еще не начинала — все существую в ожиданьи жизни...

Незаметно отступило утро,

укоризненно

солнечным зайчиком коснувшись одеяла.

Лень ушел разочарованный, обманутый, и зыбко заколы-
хались сумерки '

вокруг.

Бездумно влачусь по жизни.

Ноги словно ватные.

Голову нести все тяжелей.

Размякли мысли в мутное желе.

Обвисли руки словно паруса в безветрие...

Уйти б куда-нибудь.

В леса?

В пустыню, горы?

Может, в никуда?

Не той дорогой идут года.

До смерти можно ждать небесной манны.

А я живу в каком-то мире странном.

Запелената в сказки, не пристала ни к одной из стай. ‘

Никто ко мне не залетит -

и я с трудом одолеваю неподвижность, взлетаю.

Лечу и чувствую, что ближе, ближе скала нахмуренная на
пути.

Дождусь!..

чего?

К внезапному лучу беспомощно протянется рука?..

А жить, а жить до сумасшествия хочу!

А жить еще не начала пока -

все существую в ожиданьи жизни...

1973

ОДНАЖДЫ

Я проснулась в одну из ночей. Как стыдливо луна с высоты

покрывало плела из лучей для твоей, столь земной, наготы
Подмигнув монашке в насмешку, прикоснулась к тебе я
слегка. Засмущалась луна и, в спешке ног не чуя, ушла в облака.

Я ступила на бархат мрака, увязая ногой в нем босой...
Пропавшая травами, маками, шла гора над лесной полосой.
Мне подставила плечи скала, а потом меня ветер подвез...
Я в подарок в ту ночь набрала тебе полную пригоршню звезд.

1973

ПАЛИТРА

Мне бы родиться
Ван-Гогом.
Факел кисти
Нести по осенним дорогам
В пурпурном трауре листьев.
Мне мазками бы мощными лечь
На холст.
И полуденно-бешеным
Солнцем сердца
его прожечь.
Невозможные краски смешивать.

Брожу
в океане цвета.
При здоровом уме
Безумствую.
С собой ношу свое лето.
До краев наливаюсь
Чувствами.

А солнца медяк раскаленный,
Нежно-синюю неба кожу
Обжигая,
Сползает в сонный
Холод моря,
Сердито ежась.
... А море швыряет небрежно
В оранжевые тела
Пены
лохмотья снежные...
... А в саду уже осень зажгла
Разноцветные лампочки слив.
... А сочно-зеленые горы
Загнали купаться в залив
Скал
Утомленную свору.
... А небо
победно синее.

... А розы
до ужаса красные.
... А пруд-лежебока
Весь в тине,
А люди разные-разные...

Ах, мне бы за кисти схватиться,
Мне бы метнуться к палитре,
На холст жадный пролиться
Потоками красок...
Но...
Я на бумаге пастой
Пишу, торопливо копируя
Оконное полотно.

Душа по житейским дорогам
Шагает,
Палитрой цветнея.
Идет буйно-рыжим Ван-Гогом,
А я...
Рисовать
Не умею.

1973

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Симфония века написана хачатуряновским почерком.
Глыбы событий
ворочает время.
Стою за кулисами.
Надежды, ликуя, промчались.
Жизнь штормит,
как осеннее море.
Откуда
минорность
звучанья
моего в этом бурном мажоре?

Выхожу на шумную площадь,
где асфальт так враждебно сер.
Стараюсь казаться попроще. Обычной.
Такой,
как все.
Отобрано у кесаря кесарево. Отрекшись от партии соль-
ной, силюсь
упрямый свой голос
вплести
в звучанье
оркестра.

* * *

Слишком много у света сторон.
Чересчур уж кругла земля.
Слишком мало концов у дорог.
Слишком ноги слабы у меня.
Не по силам весь мир обойти,
Окунуться во все моря.
Я свалюсь в середине пути.
Значит, что?
Начала я зря?..

Кто-то где-то, а я —
повсюду.
Я ручьями теку в пустыню.
Сотворите со мной чудо —
Соберите меня воедино.

Слишком много страсти во мне,
Слишком много во мне огня.
Слишком много взяла я извне —
Слишком мало берут у меня...
Зачерпните полною горстью,
А лучше ведром побольше...

Что со мной?

В доме собственном —

гостя,

В мир огромный бездумно брошена,

Я бегу от себя к себе,

Как дикарка, людей сторонясь...

Я повсюду,

и я — нигде...

Кто-нибудь, отыщите меня!

1973

* * *

Идешь.

Неумолимою лавиной на скалы
моего спокойствия обманчивого
грозно.

надвигаясь

Уже владеешь мной наполовину...

Бежать?

Остаться?

_ Колебанья...

Поздно!

Вот отрицания куценькое слово воробьем взъерошенным
метнулось было с губ... но, отчирикав, лежит в снегу...

И с высоты
камнепадом

неотвратимо, непреложно,
обрушиваешься
на равнину
жизни моей ты.
Пришел.
И отступление невозможно.

1973

ТЫ?

Люблю тебя –
Еще тебя не знаю.
Люблю тебя –
Лишь в сновидениях догадываясь, кто ты.
Творю тебя.
Себя опустошая,
В твою симфонию дописываю ноты.

Творю тебя от увертюры к коде.
Ты дробью осыпaeшься с ударных,
Сплетаешься в затейливый узор мелодий,
Со скрипки переходишь на гитару...

Взлетают звуки над разбуженной струной
И долго-долго в воздухе кружат...
Я узнаю тебя.
Единственный.
Родной –
До горечи.
До остроты ножа.
Как сны мои испепеляющий.

Неукротимый.
Неисчерпаемый.
Неутомимо в себе тебя ищу.
Неверным взглядом, еще полуслепая,
Всматриваюсь в цельность
Гранитной глыбы,
Полной хмурой силы.
И смутно прозреваю нераздельность
Всего, что с нами, разделенными доныне было...

Мечты.
А где-то –
Не на пьедестале
Ты.
И вот
Пускаюсь в путь,
Туда, где существуешь.

Ты – реальный,
Невыдуманный...
И чужой...
чуть-чуть.

1973

ОПЯТЬ!

Опять я грудью рву паутину расстояний...
воображаю, что рву. Обессилев, падаю в вязкую тину мол-
чания... '

нет, не зову,
что звать? -

Тишина, хоть глотку дери, кукиш замка на заветной две-
ри.

Белый листок за спокойным стеклом, несколько слов, од-
нозначных, как заповедь. Опять

я на север, а ты -
на запад...

только-только...

небо, жадное как болото,
чавкает,

засасывая самолет...

Доброе утро, как вам спалось?..
Будет?

Я больше не верю.

Вконец истрепались крылья - рвите на память перья!

Сказка скончалась.

Былью

стала сизифова ноша...

Стерто с доски мое прошлое - спешу над ним надругаться...

...Подари мне касание пальца к моей неуклюжей щеке...

Хоть вздрогни там, вдалеке!

Я вступила в последний срок - кострами мосты за спиной...

Вернешься -

на ту, из дорог, что шаги твои отмечали, сходи —
горьких губ отпечаток на тревожной найдешь мостовой.

Не изображая участия, подними, спрячь в карман.

На счастье.

1973

МОЖЕТ БЫТЬ

Только тучи звезды притушат - подкрадусь. Взломаю двери

И ворвусь в твоё равнодушие
изголодавшимся зверем.

Сжавшись в комочек упругий, замру,
готовясь к прыжку... Разбужу твои спящие руки. Обниму.
У

Опалю.

Подожгу.

Подкрадусь по хрупкому насту к обросшей снегом лачуж-
ке. Ворвусь...

а, может, предчувствуя,
распахнешь ты
двери
настежь?

1973

ЗОЛУШКА

(монолог принца)

Было всё.

Материнские ласки, наказания, сласти и розги.

Схоронил и были, и сказки я в глухом закоулке мозга.

Отошло в область сказок детство... Я законным наслед-
ником не был, завоёвывал сам королевство - золотое сиянье
вполнеба.

Был короною славы увенчан,
словно принц - пусть не царского рода.

Был любим я тысячей женщин.

Был я признан сотней народов.

Дни, как жёлтые листья спали. Дозревали, румянясь, плоды.

Я шагал золотыми садами, даром звёздной моей судьбы.

Но всё падали листья...Падали наземь тучи червивых плодов.

И однажды запахло падалью из моих золотых садов.

И в чаду непонятных желаний, непонятной тоскою сражён, заметался я, пил и буянил, и менял то друзей, то жён.

Как-то, свесившись пьяно со стула, допевал я последнюю песню. Неожиданно в душу кольнула, встав из праха, сказка чудесная.

Я вскочил...

Руку в душу...

Пусто!

Разве сказка приемлет таких?

Как давно последние чувства разменял я на медяки.

Грош последний истратил на водку. Но, надеясь, как каждый, на чудо, взял я будущее за глотку, у него потребовал ссуды.

И помчался солнцу вдогонку. Пожирал я шагами дороги; весь уйдя в сумасшедшую гонку, исходил все дворцы и чертоги.

Просмотрел, как за пьесой пьесу, сотни стран. Городов мешок перебрал.

Я искал принцессу.

И порой мне казалось: нашёл.

Как-то раз... Не трубили трубы,
я бродил от стражи в сторонке.

Вдруг, упрямо стиснувши зубы, предо мною возникла
девчонка.

Помолчав, распахнула глаза, нервно смуглую прядь тере-
бя.... "Нам с тобою быть врозь нельзя, ты - мой принц, я узна-
ла тебя.

Я ведь Золушка...

"Хватит лжи! Не зелёный я новичок.

Если Золушка ты, докажи!

Где хрустальный твой башмачок?

Ты не пару себе повстречала, я до таких не охоч... Пошат-
нулась она. Смолчала.

И пошла, спотыкаясь, прочь.

Дни летели, толпились годы, таял снег, вызревал вино-
град... Днём и ночью, в любую погоду, меня сторожил её
взгляд.

Этот взгляд мне стелился под ноги. Этот взгляд бил меня
по лицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.